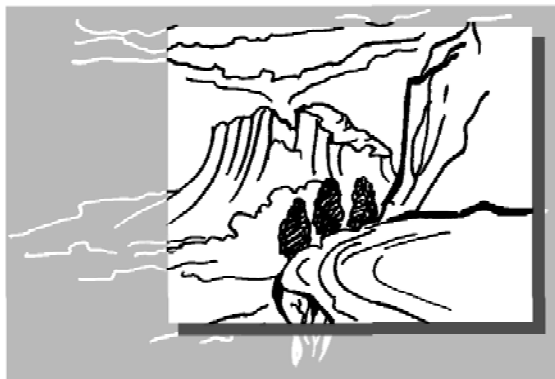

Д.Л. Лопатников,
доктор географических наук, профессор,
НОУ ВШЭ

E-mail: imartos@mail.ru

Мировое хозяйство в начале XXI века

В статье рассматриваются современные особенности мирового хозяйства.

Ключевые слова: мировое хозяйство, экономико-географическая система, субъекты мирового хозяйства.

The article deals with the modern features of the world economy.

Keywords: the world economy, economic-geographical system, actors of the world economy.

Мировое хозяйство как планетарная экономико-географическая система. В иностранных, прежде всего англоязычных источниках для обозначения понятия «мировое хозяйство» используется термин «world economy» – «мировая экономика». В русскоязычной научной и учебной литературе существуют различные определения мировой экономики и близких к нему понятий, таких как «глобальная экономика», «международные экономические отношения», «внешнеэкономическая деятельность». Кроме того, понятия «мировая экономика» и «мировое хозяйство» не всеми трактуются как синонимы. Существует целый ряд определений как мировой экономики [3], так и «мирового хозяйства» [4].

Следует различать «мировую экономику» как область знания и как объективную реальность. В первом случае мировая эконо-

номика – наука (раздел экономики как науки), изучающая законы и закономерности функционирования мирового хозяйства. У этой науки есть теоретический багаж, краеугольный камень которого заложил в XVIII в. Адам Смит. Среди классиков, на труды которых опирается мировая экономика как наука – Давид Риккардо, Джон Стюарт Милль, Милтон Фридман, Майкл Портер.

Во втором случае мировая экономика, как было сказано, – «объективная реальность». Можно встретить разные подходы к определению данного понятия. Наиболее распространенные – два варианта. В широком смысле, мировая экономика – это экономическая система, включающая в себя всю хозяйственную жизнь на планете, как международную, так и внутреннюю (внутристрановую). В узком – это система только международных хозяйственных связей. Если исходить из первой трактов-

ки, то, например, производство риса и торговля им в Китае рассматриваются как элементы мировой экономики. А при второй трактовке – нет. К мировой экономике в узком смысле относят только трансграничные хозяйственные процессы. В случае с Китаем это, например, экспорт текстиля или электротехники.

Сегодня мировую экономику часто называют *глобальной*. Это закономерно, т.к. в послевоенный период мир вступил в эпоху глобализации, в которой с особой силой действует философский постулат «Все связано со всем».

В рамках экономико-географических исследований правильно называть мировую экономику (как объективную реальность) *«мировым хозяйством»*. Согласно автору статьи: **Мировое хозяйство** – это единая планетарная эволюционирующая экономико-географическая система, главными факторами которой выступают страны, связывающие их интеграционные группировки, транснациональные компании и международные экономические организации.

Существуют различные точки зрения, с какого времени нужно говорить о мировом хозяйстве как явлении. Если исходить из того, что слово «мировое» отражает не определенное качество хозяйства, а его пространственный охват, то отчет времени следует вести от эпохи Великих географических открытий. Это XV–XVI вв. С другой стороны, многие подходы к организации хозяйственной жизни, которые получили планетарное распространение с этого времени, зародились и активно использовались до начала истории мирового хозяйства. Поэтому начнем с предыстории.

Предыстория мирового хозяйства охватывает длительный период от первых очаговых цивилизаций до «закрытия» ой-

кумены европейцами. Принципиально важны для дальнейшего понимания истории мирового хозяйства ряд базовых черт экономико-географического поведения народов в те времена.

Первое заключалось в том, что одной из древнейших форм экономической жизни была международная (межгосударственная) торговля. Вспомним, например, знаменитый Великий шелковый путь, проложенный между Южной Европой, Юго-Западной Азией и Китаем более двух тысяч лет назад.

Второе, и принципиально важное состоит в том, что опыт наиболее успешных стран и цивилизаций древности показывает, что одной из первооснов их процветания стала пространственная экспансия, расширение *«жизненного пространства»* (по Ф. Рацелю). Наиболее ярко это иллюстрируют великие античные цивилизации: Древняя Греция и Древний Рим. Распад имперских пространственных структур не означал хозяйственную изоляцию распавшихся частей. На смену им приходили формы устойчивых межтерриториальных и межгосударственных экономических отношений различных пространственных конфигураций, прежде всего торговых. Пространства активных и разносторонних экономических связей на карте мира до формирования единого мирового хозяйства французский историк и социолог Ф. Бродель называл «мирами-экономиями» [Бродель...]. Именно эти «миры-экономики» стали зародышем планетарной экономической системы.

В географических пределах «мировой экономики» в процессе углубления региональной торговли закладывался фундамент *международного разделения труда* (МРТ). Именно МРТ впоследствии легло в основу формирования мирохозяйственной системы.

Эпоха Великих географических открытий во многом повторяла опыт протрапствешпо активпых цивилизаций древности па повом этапе техпическогo прогресса. Примечательно, что это время получило название «Ренессанса», или «Возрождения». Культ античности в Европе того времени был далеко не только культурно-гуманитарным феноменом, как иногда представляется при взгляде на великие творения Микеланджело или при чтении новелл Дж. Боккаччо. Не меньпий интерес представлял опыт хозяйственной политики и тесно связанной с ней геополитики древности. В их основе было «расширение жизненного пространства», а если говорить о конкретном опыте Древней Греции – территориальная экспансия морским путем.

Первый исторический этап эволюции мирового хозяйства был этапом грандиозной экспансии европейских стран, завершившейся разделом мира и формированием первой пространственной модели мирохозяйственной организации – «Европейская метрополия – колониальная Периферия». Эта модель доминировала вплоть до начала XX в.

Экономической основой пространственной организации мирового хозяйства в этот период стала эксплуатация ресурсов колоний странами мировой метрополии. Примечательно, что социальпо-экономическая эффективность колониальных империй существенно различалась. Например, опыт Португальской империи оказался куда менее эффективным, чем Британской, причем как для метрополии, так и для большинства колоний.

Об опыте Британской империи стоит сказать особо. Британская империя базировалась на относительно более грамотном экономическом поведении англичан,

чем других европейцев [12]. Одно из главных отличий – ставка не па одпоразовый грабешж или поиски «эльдорадо», а па долгосрочные инвестиции в свои колонии и торговлю. В первой половине XIX в. британский торговый флот насчитывал более 20 тыс. судов – больше половины всего мирового торгового флота того времени.

К концу XIX в. на мировой экономической карте стали все отчетливее проявляться первичные признаки трансформации мировой экономической системы в *глобальную*. Опережающими темпами росли объемы международной торговли, мировой размах приобрела биржевая деятельность. Достижения научно-технического прогресса кардинально изменили «информационное поле» хозяйственной деятельности. Началось масштабное инвестирование в колонии и между странами-метрополиями. Стало нормой международное кредитование.

Тем не менее, «ранняя глобализация» конца XIX – начале XX вв. была прервана деструкцией мирового хозяйства в первой половине XX в. Одной из причин системного кризиса мирохозяйственного устройства того времени стало обострение межимперских экономических и геополитических отношений. *Этап деструкции мирового хозяйства* в период двух грандиозных мировых войн привел к крушению «старого мира», и в частности мирохозяйственного порядка. Закопчился европейский моноцентризм, па смену которому пришел «Рах Americana». Посыпалась колониальная система. Мир раскололся па две антагонистические социально-экономические системы: капиталистическую и социалистическую.

Вторая половина успешного столетия стала временем формирования *современной модели мирохозяйственного устройства*. Мировое хозяйство

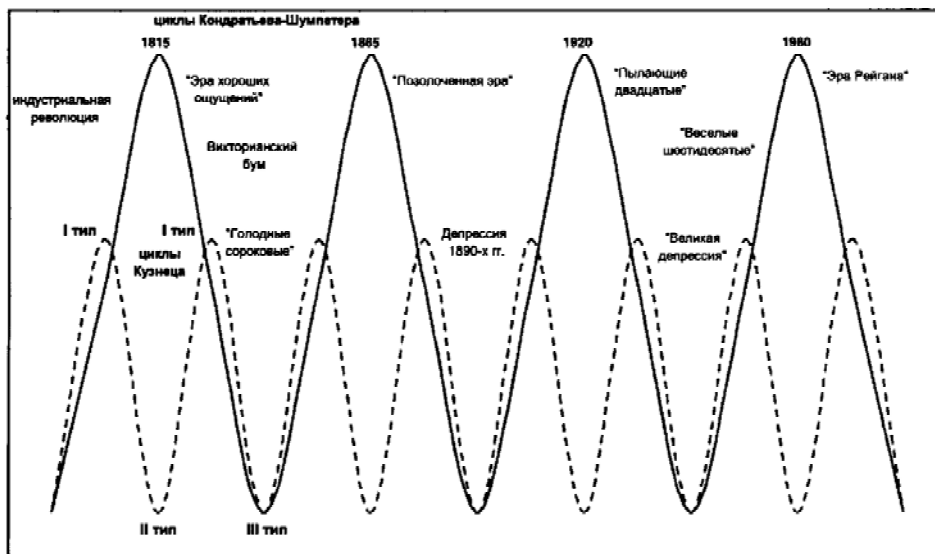

Рис. 1. Историческая взаимосвязь циклов Кузнецца и волн Кондратьева-Шумпетера (по М.Ю. Сорокину)

эпохи глобализации имеет ряд важных черт. Сформировалась новая *центр-периферическая модель* (см. ниже) пространственной организации мирового хозяйства. Оформились три «ядра» Центра – США, Европейский Союз и Япония. Доминирующее положение в мировом хозяйстве практически весь XX в. удерживали Соединенные Штаты. Геополитическое противостояние и экономическое соревнование двух систем, прежде всего в лице СССР и США, в конце XX в. закончилось поражением социализма. Распад мировой системы социализма стал важным этапом трансформации мирового хозяйства в «глобальное», привел к реинтеграции в мировое хозяйство России, революционной смене экономического курса Китая в сторону «открытости», интеграции большинства стран Центральной и Восточной Европы в Европейский союз.

В послевоенный период, помимо многократного количественного увеличения объемов мирового валового продукта и масштабов хозяйственной активности чело-

вечества, происходили процессы качественного изменения мировой хозяйственной системы. Среди важнейших: либерализация, интеграция, транснационализация, постиндустриализация, модернизация, экологизация.

Наряду с ретроспективно-историческими этапами эволюции мирового хозяйства наблюдалась выраженная *цикличность* в его развитии (рис. 1). В эволюции мирового хозяйства прослеживаются долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные экономические циклы. В классическом варианте цикл состоит из последовательно сменяющих друг друга фаз: подъем, кризис (спад), депрессия (дно), восстановление, подъем. Природа циклично-волнового экономического развития анализировалась в трудах К. Жугляра, С. Кузнецца, Н.Д. Кондратьева, Й. Шумпетера и др.

Согласно Й. Шумпетеру, движущими силами эволюции мирового хозяйства «выступают, во-первых, развивающееся международное разделение труда, во-вторых, постоянные нарушения рав-

повесия мирового хозяйства, трактуемые, как созидательные циклически повторяющиеся разрушения» [Шумпстер, 1995] [7]). В копкретных исторических условиях содержание и общая картина экономического цикла существенно меняется. До XIX в. цикличность экономического роста в большинстве случаев паблюдалась на страновом или региональном уровне, а в XIX–XX вв. до начала глобализации мирохозяйственные циклы охватывали только ведущие капиталистические страны. Предвестником грядущих общемировых кризисов стала Великая депрессия в США (1929–1933 гг.), когда впервые сработал известный принцип «Если американская экономика чихает, мировая схватывает воспаление легких».

Цепа эволюции мирового хозяйства через созидательные системные кризисы может быть очень высокой и далеко выходить за рамки экономических параметров. Следует напомнить, что Великая депрессия стала одним из главных мирохозяйственных факторов глубочайшего экономического кризиса в Германии, в период которого через беззастенчивый популизм проложил дорогу к власти национал-социализм (1933 г.). Примечательно, что одним из лозунгов А. Гитлера в то время был «Каждой немецкой кухарке по курице в кастрюлю!».

Во второй половине XX в. паблюдались уменьшение амплитуд колебаний экономических циклов (фазы спада стали короче, фазы подъема – продолжительнее, удалось избежать депрессий). Уменьшился диапазон колебаний объемов производства и уровней занятости. Таким был, например, кризис 1998 г.

Экономический кризис 2008–2009 гг. подтверждает цикличность мирохозяйственного развития. Глубина и траектории первых мирохозяйственных кризисов XXI

в. за период с 2000 по 2015 гг. уже стал предметом разпосторошного, в частности экономико-географического, апализа.

Субъекты мирового хозяйства. В определении мирового хозяйства перечислены главные акторы – субъекты мирового хозяйства: страны, интеграционные группировки, транснациональные компании, международные экономические организации. В широком смысле субъектами мирового хозяйства можно считать всех участников экономической жизни на планете, даже физических лиц. Обычный российский или американский обыватель, покупая бутылку кока-колы, разлитой в Москве, и садясь за руль Хопды, собранной в Турции, – одип из «микроучастников» мировой хозяйственной жизни. А экономическое поведение миллиардов таких обывателей на Земле – один из решающих факторов тренда общего мирохозяйственного развития.

До середины прошлого столетия главенствующие позиции в планетарной хозяйственной жизни занимали *государства*. Поэтому до сих пор мировое хозяйство многими трактуется как совокупность национальных хозяйств, связанных между собой системой международных экономических отношений. С приходом глобализации все существенно усложнилось. Появились не менее «сильные» игроки па мировой хозяйственной арене.

Прежде всего это экономические объединения стран (*интеграционные группировки*). Среди них: Европейский союз (ЕС), Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и др. Существуют различные формы хозяйственной ин-

теграции стран: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, валютный и экономический союз. По мере углубления интеграции усиливается вес межгосударственных хозяйственных отношений в рамках интеграционных группировок, что в итоге может привести к уходу национальных хозяйств на второй план. Так произошло с Европейским союзом. Поэтапное углубление экономической интеграции на основе идеологии либерализма в зарубежной Европе привело к отказу от национальных валют – исторически главного атрибута экономической «субъектности» государства. Общеввропейская валюта евро кардинально изменила положение отдельных стран – членов ЕС в мировом хозяйстве. Полноценным субъектом мирохозяйственных отношений стал Европейский союз, в котором отдельные страны теперь имеют вес, сопоставимый с весом отдельных штатов США.

Существенные коррективы в традиционалистские представления об устройстве мирового хозяйства вносят *транснациональные компании* (ТНК) [4]. Их названия сегодня у всех на слуху: Майкрософт, Гугл, Бритиш Петролеум, Дженерал Моторс, Макдоналдс, и т.д. Штаб-квартиры большинства ТНК находятся в ЕС, США и Японии.

Если посмотреть мировую макроэкономическую статистику, то она свидетельствует о том, что сегодня десятки ТНК по своему экономическому «весу» превосходят большую половину стран мира. По оценкам ЮНКТАД уже к концу XX в. ТНК контролировали до половины мирового промышленного производства, две трети внешней торговли, примерно 4/5 патентов и лицензий на новую технику и техноло-

гии. Под контролем ТНК находилось до 90% мирового рынка железной руды, лесоматериалов, пшеницы, кукурузы, кофе, табака, 85% – рынка меди и бокситов, 80% – олова, чая, 75% нефти, натурального каучука [8]. К практически полностью транснационализированным отраслям мирового хозяйства можно отнести химическую промышленность, автомобилестроение, приборостроение, телекоммуникации.

Увеличение экономического веса и, как результат, усиление политического влияния ТНК на мировой арене вызывает неоднозначные оценки. Одни видят в этом позитивные проявления интернационализации современной цивилизации, другие (прежде всего антиглобалисты) – угрозу для государств, особенно менее развитых, подчинение их внешнеэкономическим интересам так называемой «мировой закулисы».

После Второй мировой войны, в период восстановления расстроенных международных экономических отношений, был создан ряд международных экономических организаций, призванных регулировать дальнейшее мирохозяйственное развитие с целью не допустить в будущем повторения экономических и геополитических потрясений первой половины XX в. Во второй половине ушедшего века такими влиятельными организациями стали Всемирная торговая организация (с 1947 по 1995 г. – «Генеральное соглашение по тарифам и торговле», ГАТТ), Всемирный банк и его подразделения – Международный Валютный Фонд, Международный банк реконструкции и развития. Появились отраслевые международные организации, как, например, ОПЕК (Организация стран-экспортеров нефти). Названные международные экономические организации оказали в послевоенный период и продолжают оказывать существенное влияние на мирохозяйствен-

пую жизнь, хотя оцепки их роли, как и в случае с транснациональными компаниями, различны.

Современная пространственная структура мирового хозяйства. Планетарная экономическая система имеет сложную пространственную организацию. В самом обобщенном виде выделяют три составных части мирового хозяйства: «Центр», «Полупериферию» и «Периферию».

Центр мировой экономической системы формируют более двух десятков самых развитых государств. Все они находятся в северном полушарии. Среди них наибольший экономический вес имеют семь ведущих развитых стран («G-7»). Суммарно они дают около половины мирового валового продукта. Для стран Центра характерно наличие высоко конкурентоспособных отраслей во всех секторах хозяйства. Это может быть высокопродуктивное растениеводство или животноводство, машиностроение и приборостроение, «индустрия» туризма либо шоу-бизнес. Но главное, на чем специализируются страны Центра в системе международного разделения труда, – производство «интеллектуальной» продукции, инноваций. В странах Центра расположено большинство университетов, институтов и лабораторий, работающих в передовых областях фундаментальной и прикладной науки и техники. В начале XXI в. к авангардным областям научных исследований относят нанотехнологии, биохимию, генетику. Инновации, рожденные в странах Центра, распространяются по миру в процессе внедрения новых технологий в производство, обеспечивают непрерывное совершенствование товаров и услуг.

Полупериферию мирового хозяйства образуют развитые страны, не входящие в

Центр мировой хозяйственной системы (например, ОАЭ, Австралия, ЮАР) и ряд стран, относящихся к развитым, но занимающих важные позиции в международном разделении труда. Национальная экономика этих стран ориентирована прежде всего на мировые рынки. Наиболее тесные торговые и финансовые связи они имеют со странами Центра. Например, Объединенные Арабские Эмираты – один из крупнейших в мире поставщиков нефти на мировой рынок, а Австралия поставляет уголь, железную руду, руды цветных металлов. Укрепляют собственные позиции в мировом хозяйстве главные страны Латинской Америки (Мексика, Бразилия, Аргентина), Восточной (Китай, Индия) и Юго-Восточной Азии. Китай по показателю общего ВВП в 2014 г. вышел на 1-е место в мире, обогнав США. Тем не менее, в рамках современной модели международного разделения труда, это пока отнюдь не означает, что Китай «автоматически» стал одной из стран Центра мирового хозяйства.

Важную роль в развитии экономических связей между Центром и Полупериферией играют транснациональные компании, которым выгодно размещать свои предприятия в странах с более дешевой рабочей силой. В процессе индустриализации страны Полупериферии берут на себя функции сырьевых и промышленных «придатков» стран Центра, где находятся основные потребители сырья, продукции машиностроения и приборостроения. Но и в самих странах Полупериферии по мере их экономического развития также растет потребление сырья и современной промышленной продукции.

Периферию мирового хозяйства образуют страны, имеющие узкоспециализированные хозяйственные связи с внешним миром (так называемые «банановые

Т а б л и ц а 1

Признаки постиндустриализма (по Д. Беллу)

В сфере экономики	В сфере занятости	В сфере науки	В сфере управления	В сфере экологии
Сдвиг от производства материализованных товаров к производству нематериализованных товаров (услуг)	Преобладание работников умственного труда	Ведущая роль теоретических знаний как источников инноваций	Принятие решений на основе новых интеллектуальных технологий	Контроль за техникой и оценка возможных последствий технических нововведений

республики»), и страны, не принимающие значимого участия в международном разделении труда (например, бедные государства Центральной и Западной Африки).

Фундаментальные факторы изменений в географии мирового хозяйства в эпоху глобализации. Одним из главных трендов развития мирового хозяйства после Второй мировой войны стала ее *либерализация*. Суть экономической либерализации состоит в ослаблении или отмене государственного контроля над экономической деятельностью и ее параметрами (ценами, заработной платой, обменным курсом и др.). В рамках мирохозяйственных связей она проявляется в ослаблении или отмене ограничений на ведение внешнеэкономической деятельности, установленных соответствующими государственными органами стран. Доктрина большей экономической эффективности либеральной модели развития национальных и мирохозяйственных экономических систем своими истоками уходит в XVIII в. (фритрейдерство). Теоретическое обоснование либеральной экономики заложено в классических трудах А. Смита и Д. Риккардо.

Либерализация мирового хозяйства стала одной из главных движущих сил глобализации. Она приводит к высвобождению бизнеса, в частности международного, от чрезмерного государственного регулирования,

в целом способствует более эффективному использованию ресурсов, усилению конкуренции на мировых рынках и, как следствие, их более динамичному развитию. Локомотивом либерализации выступает Всемирная Торговая Организация. Отдельная тема – либерализм и протекционизм в экономической политике стран [см., например, Сицеров...]. Следует учитывать, что отношение к либерализации выходит за рамки оценки эффективности экономических технологий – это еще вопрос политический. Традиционно правые политические взгляды более либеральны, для левых характерны протекционистские взгляды.

Один из важнейших трендов в эволюции мирового хозяйства в последние десятилетия – *постиндустриализация* (табл. 1). Теория постиндустриального общества как новой стадии цивилизационного развития была разработана в 1960–70 гг. профессором Гарвардского университета Д. Беллом [1]. Приставка «пост» («после») подвела определенную историческую и смысловую черту, означающую то, что господству промышленного производства в новой экономической модели пришел конец.

В рамках теории постиндустриального общества методологической основой анализа структуры хозяйства стала трехсекторная модель, предложенная в 1940-х гг. К. Кларком, согласно которой хозяйство

подразделяется на три сектора: к первичному относятся сельское хозяйство и добывающие отрасли промышленности, ко вторичному – обрабатывающая промышленность и строительство и к третичному – «услуги»¹.

Главная черта постиндустриального хозяйства – ведущая роль третичного сектора. В отечественной литературе его называют по-разному: «сфера услуг», «нематериальная сфера», «сервис», «третичный (плюс четвертичный) секторы экономики», «сфера нематериального производства». Как экономическая категория услуги, в отличие от материализованных товаров, неосвязаемы. Это не хлеб, не микроволновая печь и не автомобиль. Но в системе рыночных товарно-денежных отношений различия между материальными благами и услугами – «второй план». Не будет ошибкой считать услуги нематериальными благами. Часто они так и трактуются (Словарь современной экономической теории Макмиллена, стр. 450). Нематериальные блага продаются и покупаются, следовательно – они товары. Сервис – это производство услуг, или нематериальное производство. Это значит, что хозяйственная жизнь включает производство материальных товаров и услуг (нематериальных товаров).

Некоторые авторы выделяют из третичного сектора отдельно четвертичный и даже «пятеричный». К четвертичному относят торговлю, финансовые услуги, страхование и операции с недвижимостью, а

к пятеричному – здравоохранение, образование, научные исследования, индустрию отдыха и сферу государственного управления.

В отношении стран мира понятие «постиндустриальные» стало синонимом понятия «развитые» при оценке общего уровня экономики, благосостояния их жителей. Действительно, статистика конца XX в. говорит о том, что в подавляющем большинстве стран, типологически относящихся к группе развитых, доля третичного сектора в ВВП в конце 1980-х гг. превысила 50%. Уже к середине 1950-х гг. в США на долю сферы нематериального производства приходилось 50% ВВП, а к началу XXI в. – уже около 80%.

Одна из важнейших черт нового, постиндустриального времени, в которое вступает мировое хозяйство, – *инновационное развитие*. Оно включает в себя стремительное ускорение научно-технического прогресса, технологическую и информационную революции. Знание превращается в определяющий фактор производства, отодвигая на задний план капитал и рабочую силу. Ведущим товаром в новой экономике становится идея («knowledge industries»). Ключевое отличие постиндустриального хозяйства от индустриального состоит в том, что в нем интеллект не только обслуживает потребности «реального производителя», но и в равной степени материальное производство становится «сферой обслуживания» стремительно растущих отраслей нематериальной сферы – главной производительной силы инновационного хозяйства. Вместе с этим происходит смещение базы экономического роста в сферу нематериального производства совершенно не означает девальвацию значимости промышленности в обеспечении общественных потребностей, так же как инду-

¹ Следует учесть, что в различных источниках могут быть серьезные разночтения при трактовке разделения экономики на секторы и соответствующих статистических показателей. Например, А.Меддисон относит к первичному сектору сельское, лесное и рыбное хозяйство, ко вторичному – обрабатывающую и горную промышленность, строительство и коммунальное хозяйство, к третичному – сферу услуг [Meddison, 1995].

Рис. 2. Изменение структуры занятости населения по мере экономического развития страны

стриализация не отменила и не девальвовала значимость сельского хозяйства в экономике стран.

В постиндустриальных странах качественно меняется структура занятости населения (рис. 2). В начале XXI в. в развитых странах доля занятых в сельском хозяйстве не превышает обычно нескольких процентов. Малочисленному крестьянству удается накормить главную производительную силу общества — многомиллионную армию менеджеров, программистов, работников промышленности и торговли, преподавателей. С 1970-х гг. в большинстве развитых стран неуклонно снижается доля занятых в промышленности. В условиях массового использования АСУ, компьютеризации и роботизации, перехода на постфордистскую систему организации производственного процесса на предприятиях, сохраняется только ограниченный штат наиболее квалифицированных работников.

Например, в США количество занятых в сфере нематериального производства превысило 50% от общего числа занятых в материальном производстве еще в 1950-е гг. В конце XX в. количество работников,

занятых непосредственно в производственных операциях, сократилось до 12 % [9].

Следствием изменений в структуре занятости становится модификация социальной структуры общества. Вслед за крестьянством роли «гегемона» в обществе лишается пролетариат, уступая место армии «интеллектуалов». По мере роста благосостояния меняется структура потребительских предпочтений. В зрелом обществе потребления, витриной которого служат богатые высокоразвитые страны, сформированная потребность во всевозможных услугах не меньшая, чем в качественной еде, мебелированном доме и автомобиле. Спрос рождает предложение. В результате, перестраивается все хозяйство, опережающими темпами растет производство всевозможных услуг.

Таким образом, постиндустриализм меняет всю систему общественного потребления, что приводит к изменению первооснов традиционного хозяйствования. При переходе мирового хозяйства к постиндустриальному типу заканчивается время приоритета материального производства для хозяйственного развития и для удовлетворения потребностей человечества.

Постиндустриализм, в широком, философском смысле, означает отказ от подобного видения общественного развития. Именно это можно считать главной инновацией современной эпохи.

Говоря о рыночной экономике, нельзя забывать, что если прямой результат успешной хозяйственной деятельности в рыночной среде – это прибыль, то побочный – рост среднего уровня благосостояния людей. Но именно этот, побочный эффект – наиболее ценен для общественного развития и представляет собой по существу главную социальную функцию экономики. С одной стороны, по мере эволюции хозяйства, общие показатели благосостояния людей на Земле растут. Даже при том, что до последнего времени шел головокружительный рост численности пародопаселения. Например, в XX в. численность населения возросла в 4,4 раза, а реальный объем мирового валового продукта – в 38 раз [7]. Но все модели хозяйствования, известные в истории человечества, не обеспечивали равенства людей по уровню доступности и потреблению благ, производимых в результате хозяйственной деятельности. Попытка реализации идеи построения коммунизма с равным доступом людей к продуцируемым благам оказалась неудачной. Современная организация хозяйства в смысле социальных результатов не революционна – как и в прошлом, она не ликвидирует, а модифицирует неравенство. Главное изменение – формирование новой модели неравенства, где,ряду с имущественным цензом, все большее значение в определении социального статуса начинает играть интеллектуальный ценз. В странах со зрелой постиндустриальной средой уровень образования и интеллектуального развития приобретает не меньшее значение как статусобразующий

фактор, чем уровень достатка. Это важно, потому что обывательско-мещанские представления о том, что в условиях капитализма главное мерило всех людей – «толщина кошелька», примитивны. Это давно не так. Высшим сословием в развитых постиндустриальных странах становится не финансовая, а именно интеллектуальная элита. Именно элитарные вузы мира дают тот узкий слой интеллектуально развитых и образованных людей, формирующих верхние «страты» общества постиндустриальных стран. Яркий тому пример – США.

Постиндустриальные *инновационные* процессы выступают мощным фактором трансформации пространственной организации мирового хозяйства. Формируется новая модель географического разделения труда. Постиндустриальная модель географического разделения труда – новый этап развития пространственной организации хозяйства и общества на всех уровнях территориальной иерархии. Главный сдвиг, произошедший на карте мира с приходом постиндустриального времени, состоит в том, что на смену известной типологии стран «развитые (богатые) индустриальные страны – промышленно менее развитые (в худшем варианте – «аграрные») и более бедные развивающиеся страны» приходит новая типология стран «развитые (богатые) постиндустриальные страны – менее развитые индустриальные (среднего достатка) и аграрные (бедные) страны».

На начальном этапе постиндустриального развития мирового хозяйства по-настоящему постиндустриальными можно считать только наиболее развитые страны Центра. Именно здесь промышленность перестает быть символом авангарда и прогресса, уступив место информационным технологиям и «идеям». «Промышленно

развитая страна» – понятие XX в, по пи-как по XXI в.

Меняется эконо­ми­ко-географическая суть спорного, по широко используемого понятия «придатою». В постиндустриальное время правомерно говорить не только о «сырьевых придатках», но и об «индустриальных придатках» постиндустриальных стран. «Сырьевой придатою» – наиболее примитивный вариант «индустриально-го придатка». Мексиканские макиладорес, где собирают автомобили, китайские фабрики и заводы, где шьют трикотаж, штампуют бытовую технику, «компьютерное железо» и мобильные телефоны для продажи по всему миру, по своей экономической роли в мировом хозяйстве принципиально не отличаются от нефтяных вышек Саудовской Аравии и России. И те и другие обслуживают прежде всего потребности высокоразвитых стран Центра с более масштабным потребительским рынком.

Одним из важнейших факторов инновационного развития в современном мировом хозяйстве выступают международные и транснациональные компании. Именно ТНК обязаны своими «чудесами» страны новой индустриализации, например в Юго-Восточной Азии. ТНК – локомотивы китайского экономического чуда, что наиболее ярко проявилось в знаменитых китайских СЭЗах. О мотивах, масштабах, движущих силах транснационализации мирового хозяйства с самыми разными оценками этого процесса написаны сотни книг и статей, в частности географами. В рамках рассматриваемой темы важно осознание неразрывности процессов либерализации, постиндустриализации и транснационализации вне зависимости от оценки этих процессов.

Формирование постиндустриальной модели международного разделения труда в

современном глобальном мире приводит к переосмыслению того, какие секторы и отрасли хозяйства дают в среднем наибольший экономический и социальный эффект и обеспечивают относительно более высокое качество жизни людей в той или иной стране. Здесь следует обратить внимание, в частности, на два важных диалектически взаимосвязанных процесса и дать им оценку. Это процессы индустриализации и деиндустриализации в постиндустриальное время.

Последние десятилетия показали, что индустриализацию в новое постиндустриальное время нельзя рассматривать как однозначно позитивный процесс, работающий на прогрессивное социально-экономическое развитие страны. И наоборот, деиндустриализация в определенных условиях может носить позитивный характер. Например, свертывание массового производства автомобилей, продукции приборостроения, включая наукоемкую электронику, в США, никак нельзя рассматривать как проявление хозяйственного регресса. Скорее, наоборот. Если сегодняшние тенденции продолжатся, то знаменитая американская промышленность к середине нынешнего века трансформируется в сектор, значимость которого, возможно, не будет превышать значимость сельского хозяйства. При этом, как известно, сельское хозяйство США – мощнейший сектор экономики страны, высокотехнологичный, обеспечивающий производство разнообразнейшей продукции растениеводства и животноводства, мировое лидерство по экспорту зерна и т.д. Но доля сельскохозяйственной продукции в ВВП не превышает 2%. Доля промышленного производства в ВВП США менее 1/4, это уже в два раза меньше, чем в середине прошлого века. Вполне вероятно, она сократится еще в разы, что будет сви-

детельствовать о том, что США продолжают реальное инновационное развитие постиндустриального типа. Поллюсами роста здесь будут служить отнюдь не промышленные центры, а центры генерации идей и творчества: «силиконовые долины», университетские города и т.д.

В процессе постиндустриализации мирового хозяйства эпицентр массового промышленного производства смещается из развитых стран в развивающиеся. Масштабная индустриализация стран третьего мира – один из наиболее значимых сдвигов на экономической карте мира последних десятилетий. Он стал основой догоняющего развития традиционно отстающих стран и в данный период может оцениваться как проявление их прогрессивного социально-экономического развития. Стремительный рост промышленного производства в Китае, Индии, странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки позволил перейти жителям этих стран и регионов на качественно более высокий уровень жизни. Здесь в целом решена продовольственная проблема, растут средние реальные доходы населения, стремительно растут масштабы потребительского рынка. Вместе с этим индустриализация, какой бы она масштабной и успешной ни была, не способна реализовать концепцию догоняющего развития в соревновании с высокоразвитыми постиндустриальными странами.

Интеллектуальный потенциал на карте мира в постиндустриальное время концентрируется в странах Центра. «Утечка мозгов» из постсоветской России – только одна из составляющих этого явления. Это общая проблема стран Полупериферии. Индийский Бангалор, научно-исследовательские центры Пекина и Шанхая, как и наши «наукограды», пока общей картины не меняют. Наращивание

экономически значимого интеллектуального потенциала и сохранение мирового лидерства в сфере «генерации идей», лидерство в фундаментальной науке, творчестве, производство наиболее интеллектоемкой материализованной и нематериализованной продукции (в частности патентов) и ее коммерциализация – одна из важнейших составных частей стратегии развития стран Центра на ближайшие десятилетия.

Одним из значимых факторов трансформации пространственной организации мирового хозяйства в последние десятилетия стала *экологизация*. Под экологизацией следует понимать экологическую адаптацию (оздоровление) хозяйства и жизни людей при наличии социального заказа на это оздоровление и финансовых, научно-технических и др. возможностей для его удовлетворения [6].

Наиболее широко обсуждаемые экологические проблемы сегодня – глобальные. К глобальным относятся те из экологических проблем, которые влияют или способны повлиять на естественные процессы в общепланетарной биосфере и, как следствие, они затрагивают или могут затронуть в будущем всю биосферу и интересы всего человечества. Неясность вопроса об антропогенном или естественном генезисе природных трансформаций и катаклизмов в биосфере – одна из самых серьезных проблем при оценке развития экологической обстановки на Земле при переходе к постиндустриальной эпохе. Например, наличие антропогенного парникового эффекта планетарного масштаба – научная гипотеза, но не научный факт.

В начале XXI в. экологическая составляющая выходит на передний план как при оценке эффективности хозяйства, так и при оценке качества жизни в той или иной стране или в регионе мира. Рост эко-

логических притязаний по мере повышения уровня благосостояния людей становится одним из законов современного развития. Если для фабричного рабочего «плохая экология» – часть платы за возможность прокормить семью, то для работника умственного труда «хорошая экология» – одно из важных условий его эффективной работы. При этом принципиально то, что новую конъюнктуру начинают осознавать и учитывать при принятии решений не только работники, но и работодатели. Экологические параметры среды переходят в состояние одного из ресурсов социально-экономического развития.

Сегодня многие экологические издержки трансформируются из внешнеэкономической категории в экономическую. Это делает из «экологии» товар массового спроса, она становится субъектом товарно-денежных отношений. Только создание экономических механизмов заинтересованности в «экологии» может дать реальные успехи в экологизации хозяйства. В развитых странах начался процесс формирования экологизированного хозяйства с новой системой ценностных ориентиров.

Экологически позитивные процессы, например «Зеленая революция», происходящие в развитых странах, означают начало нового цикла в развитии отношений между человеком и природой. Здесь впервые появляется массовый социальный заказ на «экологию». С другой стороны, формируется новая модель экономики, которая имеет предпосылки для удовлетворения растущего «экологического» спроса. Так как речь идет о странах, до последнего времени экологически наиболее неблагополучных, чье грандиозное хозяйство представляло и пока представляет реальную экологическую угрозу для всего мира, осознание этого факта особенно важно.

Анализ современных тенденций в хозяйственном развитии стран Полупериферии и Периферии мирового хозяйства позволяет сделать предположение о смещении эпицентра экологического неблагополучия из Центра мировой экономики на ее Полупериферию, что в недалеком будущем может спровоцировать новую волну обострения экологических проблем в мире по мере роста индустриальной мощи полупериферийных стран. Отмечается все большее расхождение траекторий развития экологической обстановки в перечисленных группах стран. Происходящие спонтанные и напрямую не управляемые процессы экологизации постиндустриального хозяйства в развитых странах в условиях рынка усиливаются управляемыми процессами экологизации в результате целенаправленной экополитики развитых государств. В целом в них растет степень управляемости многих существенных экологических проблем. Это принципиально отличает траекторию развития стран Центра от траектории развития стран мировой Полупериферии и Периферии, где общий уровень управляемости «экологией» качественно ниже. Именно на Полупериферии мировой экономической системы в ближайшие десятилетия будут превалировать экологически негативные процессы (паращивание энергетических мощностей на базе традиционных энергоресурсов, активная индустриализация, массовая автомобилизация, становление общества потребления в условиях огромного населения и др.), что создаст очаг наибольшего внутреннего экологического неблагополучия. Возникает новый мощный центр глобальной экологической угрозы. Все это неизбежно приведет к существенному усилению влияния экологического фактора в мировой геополитике.

Среди главных факторов экологического неблагополучия отсталых стран можно назвать следующие: принадлежность большинства отсталых стран к тропическому, субэкваториальному и экваториальному поясам; напряженная демографическая ситуация, обусловленная высокой рождаемостью; колониальное прошлое многих из отсталых стран, обусловившее сырьевую и аграрную ориентацию их экономик; качественное отставание в научно-техническом развитии; в целом более низкая культура труда и быта; общая бедность, не позволяющая реализовать необходимые экологические программы. Методы борьбы за конкурентоспособность на мировом рынке в отсталых странах очень часто экологически значительно более опасны, чем в развитых.

Если в развитых странах противостоят масштабных экологических проблем выступают непрерывно растущие возможности по их нейтрализации, а по ряду проблем и полной их ликвидации, то у отсталых стран мировой Полупериферии и Периферии таких возможностей нет.

Широко обсуждаемый фактор обострения экологической ситуации в отсталых странах – перемещение в них наиболее грязных промышленных производств из развитых стран. Опасения, связанные с антиэкологической деятельностью ТНК в странах Полупериферии и Периферии мирового хозяйства, часто бывают обоснованы. Однако не стоит преувеличивать роль ТНК и иностранного капитала в целом в обострении экологической ситуации в отсталых странах. Быстрый рост экологически грязных производств в странах Полупериферии мирового хозяйства – в основном следствие активности национального капитала в этой сфере.

Эпоху глобализации обычно и во многом справедливо связывают с глобальным экологическим кризисом. Действительно, большую часть XX в. параллельно с ростом численности населения и увеличением масштабов хозяйствования множились и углублялись экологические проблемы. Но в последние десятилетия ушедшего века данный тренд стал не столь однозначным. Наряду с экологически негативными процессами, появились выраженные экопозитивные тенденции, что существенно усложняет экологическую панораму современного мира.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Academia, 1999.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Том 1. – М.: Весь мир, 2006.
3. Ламакин В.К. Мировая экономика. Учебник для вузов. – М.: Юнити-Дана, 2007.
4. География мирового хозяйства. Учебник для студентов высших учебных заведений. / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Трэвал Медиа Интэрнэшнл, 2012.
5. Гречко Е.А. Географические различия систем корпоративного управления: Учебное пособие. – М.: МГУ, 2015.
6. Лопатников Д.Л. Экологические перспективы постиндустриального мира. – М.: МГУ-АБФ, 2004.
7. Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства. «Международное разделение труда». – М.: «Аспект Пресс», 2006.
8. Мовсесян А., Огнивцев С. Транснациональный капитал и национальные государства // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 6. – С. 56.
9. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.

10. Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого). Отдел V // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. – СПб.: Питер, 2007.

11. Синцеров Л.М. Проблемы глобальной инте-

грации // Известия РАН. Серия Географическая. – 2005. – № 4. – С. 5–12.

12. Фергюссон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. – М.: Астрель CORPUS, 2013.

И.Л. Черкасов,

кандидат географических наук, ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

E-mail: kre@fa.ru

М.И. Середина,

кандидат социологических наук, ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

E-mail: marinya_99@mail.ru

Геополитические проблемы российского Дальнего Востока

В статье рассматриваются положительные и отрицательные последствия реализации российской континентальной геополитической концепции «от моря до моря»; возможности минимизации отрицательных последствий геополитической концепции.

Ключевые слова: геополитические проблемы, Дальневосточный федеральный округ, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, геополитический контроль над пространством «от моря до моря», зона Севера и Арктики, континентальный блок, Севморпуть.

The article deals with the positive and negative consequences of the Russian continental geopolitical concept of «from sea to sea»; the possibility of minimizing the negative effects of the geopolitical concept.

Keywords: geopolitical problems, far Eastern Federal district and countries of Asian-Pacific region, geopolitical control over space «from sea to sea», the area of the North and the Arctic, the continental block, the Northern sea route.

Среди большого количества геополитических концепций европейские ученые особую роль отводят концепциям континентального блока. Например, шведский ученый и политический деятель Юхан Рудольф Челлен предложил модель «континентального блока», согласно которой Германия обладает «осевым динамизмом» – способностью структури-

ровать вокруг себя другие государства («Страны оси»). О «срединной Европе» писали Ф. Науманн и К. Хаусхофер в известной статье «Континентальный блок» (1915 г.). Можно отметить бельгийского геополитика Жана Тириара, который предложил проект «Европа от Дублина до Владивостока». Он полагал, что глобальный евразийский проект XXI в. дол-